

Вот это стремление «ясней сказать» о 750 рублях пенсии и покорило дворянскую шепетильность Капниста. Поэзия славословий звучала пристойно, покуда она оперировала общими знаками политических величин и социальных категорий. Всякий частный случай граничил уже с неприличием. Кстати, как бы конкретно ни изъяслял Рубан желания получить пенсию, в этих домогательствах все же был оттепок официальности. Но Рубан дошел и до таких «частных случаев», как стихотворная благодарность за обед:

Его Высокопревосходительству Александру Александровичу
Нарышкину

Благодарение за письмо полученное из Екатеринослава от
25-го ноября 1794 г.

Нарышкин, обершенк Второй Екатерины,
Дом коего явил мне древние Афины!
С гречанкой грека в нем беседующих зрел,
Равно и древний Рим тут случай зреть имел,
Латинским языком имея в нем беседу,
Хозяйкою потом оставлен для обеду,
Которой слабых сих был слог мой поднесен,
И с благосклонностью от оныя прочтен.
На ней священнейший геройский знак сияет,
И образ божества грудь оной украшает!
Отборных яств имел я за столом куски
От благотворных хозяйския руки,
С благоговением когору лобызаю,
И что за милости сии воздать? — не знаю.
Какое лучшее на свете есть вино:
Такое при столе мне было подаю.
Потом, когда уже из-за стола все встали,
То о приехавшем с письмом гонце сказали.
Хозяин сам сего представил мне гонца,
Запечатленного я видел письмеца
Обверт со надписью и города на оном,
Я удовольствие мое явил поклоном.
Простаясь с хозяином и в дом свой отхожу,
Открыл письмо и клад во оном нахожу.
Без всех заслуг моих хозяйской знак любви
И знаменитая благородной крови